

А. СТОЛЫПИН

Интеллигенты об интеллигентах

М. Гершензон пишет: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, с. 88).

Эту цитату я выбрал из сборника статей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка и А. С. Изгоева как самую беспощадную и самую характерную для происходящего ныне интеллигентского самосуда.

Появление такого сборника, как «Вехи», есть акт бунтовщический и дерзко революционный в том своеобразном духовно-умственном царстве, которое именуется русской интеллигенцией, и его революционная сила направлена против тирании того идола, которому приносилось столько человеческих жертв, имя же которому политика.

Неудача той революции, на которую русский интеллигент возлагал столько упований, которая по существу признавалась «интеллигентской» революцией, побудила умственных вождей «сонмища больных, изолированного в родной стране», оглянуться на самих себя и на свою большую, искалеченную рать. Результатом этого смотра, или этой ревизии, явился сборник ревизионных материалов под заглавием «Вехи», прочитать который обязательно для каждого интересующегося судьбами России.

Единство темы в данном случае объединило писателей разных толков и вер, разных практических пожеланий, темою же избран вопрос, которого нельзя было обойти, — переоценка идеалов, столько лет владевших умами и потерпевших материальное и нравственное крушение.

Новый идеал, который теперь пытаются водрузить на развалинах прежних упований, определяется так: «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над великими формами общежития».

Для интеллигенции этот идеал был всегда чужд и потому представляется новым, но мы его всегда любили и в положительной стороне творчества Л. Н. Толстого, и в пламенной проповеди Достоевского, и, раньше всего, в началах христианского учения, которого могли быть плохими последователями, но никогда не могли быть по интеллигентскому примеру врагами.

Нечего удивляться, что появление сборника «Вехи» произвело в интеллигентских кругах впечатление разорвавшейся бомбы, что оно явилось одновременно и «соблазном и безумием»¹. Хотя авторами сборника оплачен сполна входной билет для разговора со своею публикою, т. е. обругано в необходимой мере и правительство, и государственный строй, это не помогло: авторов потащили на суд партийной нетерпимости, крайность их воззрений была установлена с военно-полевою строгостью и неблагонамеренность их провозглашена с торжественностью, которой повредила разве некоторая поспешность приговора.

Тем не менее беспощадное и суровое зеркало интеллигентской сущности осталось налицо. Оно отшлифовано терпеливыми и мастерскими руками людей правдивых и бесстрашных, а в такое зеркало всегда тянет заглянуть, хотя бы тайком и урывком. Бедная интеллигенция — у ней нет способов изъять «вредную» книгу из обращения!

Во всяком случае, появление такой самокритики, как «Вехи», является одним из первых духовных плодов тех начатков свободы, которые понемногу прививаются к русской жизни.

Организм, хотя бы государственный, должен сам и без поуждения вырабатывать внутри себя противоядия.

(Новое время. 1909. № 11893. 23 апреля (6 мая). С. 4)

